

ГЛАВА 5

Абдул-Керим Баратов

ПИСЬМО ЗЕЙДУ КУРКЛИНСКОМУ В СИБИРЬ*

Над Согратлем гром пороховой раздался,
Над Телетлем взвились молнии стальные,
А потом кровавый ливень, град свинцовый
Затопили город наш Кази-Кумух.

В Дагестане все счастливые убиты,
Все везучие – повешены, но горе
Тем, кто выжил и навек в Сибирь отправлен,
А помилован властями только сброд!

Сад науки весь обломан кабанами,
Перерезаны садовники – алимы,
Никогда уже с дерев его цветущих
Не вкусит плодов познания народ.

Помнишь: дважды отличались согратлинцы?
В первый раз, когда к восстанию призвали,
Во второй – когда восставших мухаджиров
У себя в ауле выдали властям.

* Зейд Курклинский – известный в свое время ученый-арабист, сосланный за участие в восстании в сибирскую ссылку. А-К. И. Баратов, являвшийся его учеником, излагает в письме свою точку зрения на то событие. Как читатель почувствует сам, он очень точно передал весь трагизм и всю безысходность далеких событий.

Хотя долгие десятилетия произведение это не публиковалось (лишь однажды оно увидело свет на языке оригинала в лакском альманахе «Дружба»), народ сохранил его в своей памяти и бережно передавал из поколения в поколение. Подстрочный перевод «письма» выполнил и представил врач из г. Буinakска С. Сулейманов.

Если вдруг они Сират пройти сумеют:
Как же нам не устыдиться мухаджиров?
Посмотри, какую участь разделили
Алибек-хаджи и шейх Абдурахман!

Если Лев и Волк враждуют меж собою,
На кого ж пенять беспомощным котяткам,
Коли сами они Волку изменили,
Зная, как он беспощаден и силен?!

Простодушные, беспечные созданья,
Опьяненные раскрывшимся простором!
Подражая Льву, они в жестокой схватке
Захотели ноготками поскрести

Что за шалость и чудачество – вмешаться
В поединок разъяренных великанов?
Потому и не виню ничуть я Волка, –
Выбирает каждый сам себе конец...

... Глубоко в сердце ложились зерна истин,
Но кяфиры подсекли колосья веры
И, восставший за ислам, погиб шахидом
И страданьем обернулась та страда!

Кто возвыситься желал – пошел по трупам,
Но любая мысль – подстражная Аллаха,
И для тех, кто знал от «кяфа» и до «нуна»*
Стал позором ожидаемый успех.

Зейд! Не скрою от тебя: и я хотел бы
Испытанию свое подвергнуть сердце,
Но коль знал бы наперед, что не под силу
Испытанье – не искал бы я его.

... Не страшна волна для тех, кто вышел в море,
Если Нух стоит на мостике в ковчеге.
Эй, несчастные, вам нечего бояться, –
Милосердие Аллаха велико!

Как пророк Юсуф, вы будьте терпеливы
И тогда переживете все болезни
Как пророк Якуб тогда мы все прозреем,
Привечая вас на родине своей!

Никогда не высыхают наши очи,
А сердца – под стать беспомощным подранкам,
Мы как будто онемели от страданья
И не в силах нынче выразить его.

Даже Волк как будто сжалился над нами...
Впрочем, если вы желаете услышать
Как живем мы – расскажу я по порядку
О событиях, случившихся без вас.

... Стоит тучам расступиться ненадолго –
Оживает все вокруг и расцветает,
А как снова солнце скроется за тучи, –
Наши раны открываются тотчас.

Как задумаешься над существованием
Незавидным – так душа в огне и тонет:
Реки полнятся от наших слез кипящих
И цветы несчастья всходят на лугах.

.....

Никакого нет от них противоядья!
Так что вы не убивайтесь понапрасну,
Вспоминая отчий край в сибирской ссылке,
Потому что жизнь безрадостна и здесь.

Если б взялся я описывать страдания –
И просвета б не осталось на бумаге.
Так и знайте! И посланьем этим черным
Занавешивать бы впору зеркала.

Лишь предатели – брехливые дворняги,
Отсидевшись в конурах во время битвы,
Ходят радостные, ползают на брюхе
И грызут свою заслуженную кость.

Мало кто такую жизнь себе представит.
Вот и просит мы с единственной надеждой:
«Боже правый, если это сон кошмарный. –
Поскорее пробуди нас, пробуди!»

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

1. Лев – широко распространенный символ ислама. Очевидно под ним автор подразумевает Турцию, находившуюся в 1877 году в состоянии войны с Россией – Волком.

2. Шагид – изучения, жертва, человек, павший за правое дело.

3. «И для тех, кто знал от «къафа» и до «нуна...»

Тут автор прибегнул к особому приему эзотерической поэзии, столь распространенной на Востоке. Возможны следующие комментарии: а) «къаф» и «нун» – соответственно 21-я и 25-я буква арабского алфавита. Этим автор как бы подчеркивает обрывочность, неполноту знаний тех, «кто возвыситься желал» (ср. русской «от А до Я»); б) «къаф» – условное сокращение понятия «минута», а «нун» – месяца Рамадан, на 27-е число которого приходится Ночь Предопределения, когда Аллах подписывает список тех, кто должен умереть в наступающем году. Таким образом автор упрекает зачинщиков восстания в том, что они, зная с первой минуты о его гибельном исходе, тем не менее подстрекали народ, ища личной выгоды. Кроме того «къаф» – первая буква арабского слова «къади(дун)» – вождь, а «нун» – слова «нади(бун)» – заместитель, что указывает на тайные помыслы «желающих возвыситься»: в) «Къаф» – 50-я сура Корана, где говорится об участии «преступника распространяющего сомнение» и «вводящего людей в заблуждение». «Нух» – 7-я сура Корана. («Нун» можно допустить как ошибку переписчика), тем более, что далее в тексте упоминается имя этого легендарного пророка.

Нур-Мухаммад Бахричилов

БАЛЛАДА О СОЖЖЕНИИ СОГРАТЛЯ

Расскажу вам, братья, горестную быль.
Вы б этом прежде не могли не знать.
Пусть я не обучен, не красноречив, –
Я спою вам все же. Не могу не петь...

Весть пришла, что власти сжечь Согратль хотят.
Спешно отовсюду к нам ведут солдат.
Но удастся ль это – ведь на их пути
Поднялись мегебцы, как столбы огня?!
На высотах горных рождены одни,
Сияются другие их завоевать.
И к вершинам нашим с нижнего плато
Потянулись балки, а по ним – враги.
Юноши аула на закате дня,
Верные отцовской славе, поднялись
И друг другу прахом пращуров клялись
В предстоящей сече крепче стали быть.
На заре тревожной вел Хаджиали
В башню на вершине шестьдесят бойцов.
Облачась в кольчугу дяди своего,
Поднимался следом храбрый Джаватхан.
....Озверев, на приступ трижды шли враги,
Трижды отбивал их смелый Джаватхан.
Каждый раз молитвы пел он, обратясь
Не к Мекке-Медине – к кладбищу лицом:
«Златорукий мастер где – Муса-хаджи?
Он умел такие стены возводить,
Что, на них наткнувшись, улетали вспять
Пули и сражали тех, кто их послал.
Где в боях оглохший смелый Хаджияв?
Будь сегодня с нами, обуял бы он
Буйство бурь свинцовых в стороне родной!
Где герой горячий, тот Хаджи-Мурат,
Чье одно лишь имя, – как победный клич.
Будь сейчас он с нами – не наглел бы враг.
Со своих черкесок срезал рукава,
Развернув к молитве новые ковры,
Бьем в набат: «надежда только на себя!»
Трижды повторяя это, Джаватхан
Барсом в бой бросался, но случайно он
Торопливой пули оборвал полет,
Ей лететь до моря – угодила в грудь...
«Ты ли, черный сокол, бездыханный пал
С печенью, пробитой вражеским свинцом?!
О, павлин небесный, по тебе ли вздох,

Содрогнувший войско, громкий и глухой?!
Братя, телетлинский Джаватхан убит!
Мы – без крошки хлеба, без глотка воды.
Некогда молиться – подкрепленья ждем». –
Возвещал с вершины так Хаджиали.
И прислал записку нам хромою Пирил:
«Мы пошлем вам в помощь тысячу людей,
Мы доставим пищу, воду принесем,
А за вас молитвы старики прочтут».
Обещанье это ободрило нас,
Но глашатай сельский с минарета вдруг
Прокричал:
– Спускайся, эй, Хаджиали
К нам и мухаджиров приведи с собой.
... В беспокойстве смутном провели мы день
И в Согратль спустились по ночной тропе,
И, рукой дрожащий к лампе поднеся,
Мы письмо читали, полное угроз:
«Если вы с повинной не придете к нам –
Завтра в полдень будет сожжено село!»
Но не покорились. Из последних сил
День мы продержались. Наступил второй.
Наш аул старинный затрещал в огне,
Новых окон рамы разворочены,
И в Шуру отправлен шейх Абдурахман.
Бечевою казенной сын его казнен.
Пробежал проворно по шнуру огонь –
Разразился порох, спрятанный в мешках,
Разорвав мечети, равные мечте,
Провалились в землю минареты их.
Честное богатство сожжено дотла.
Стало скорбно-черным красное сукно,
И, чернее ночи, в путь мы собрались.
Шестьдесят ученых-согратлинцев шли
Следом в накаленных черных кандалах.
... Пробыли в Хубитле мы четыре дня
В крепостных подвалах, а на пятый день
Лязгнули засовы на дверях и нас.
Не спеша, солдаты вывели на свет.
Но не мил теперь он никому из нас:
Сколотил умело мастер у реки
Для ученых кротких виселицы в ряд.
Шестьдесят веревок пляшут на ветру.
... О Всевышний, что же ты предназначтал?!
Как убить позволил верных слуг своих?!
Ты кого оставил на Земле за них?
О Всевышний, что же ты предназначтал!
Под покровом ночи Алибек-хаджи
С уцелевшим войском горы покидал.
Позади ущелья, впереди – хребты.
Ледяные тропы, снежные пути.
Из огня Согратля в мерзлоту вершин

– О! Сродни тому, что ты сейчас сказал
 Разоренье бедной родины моей!
 Разорен, разгромлен ныне Дагестан.
 – Не горюй,
 – ответил Исмаил-паша,
 Дам тебе я войско, пушки дам тебе,
 В дар юнцам отправлю я винтовок впрок,
 А тебе в подмогу дам Мухтар-пашу,
 Исмаил-хакима с армией пошлю...
 – Мне ли говоришь ты о своих пашах?!
 Звон монет их манит, а не звон клинков,
 Мне ли не известен твой Мухтар-паша,
 Он за вражьи деньги станет сам врагом!
 Поздно, – отвечал он, – по родной стране
 Суждено до смерти траур мне носить...

Муртазали-Хаджи

ПИСЬМО ИЗ СИБИРИ

Слушайте, братья, рассказ начинаю –
 Правду об узниках страшной Сибири.
 Прежде не верил, теперь уверяю –
 Места ужаснее нет в этом мире.
 Нам маслаат обещали чауши,
 И – иссякали надежда и сила –
 Ложь, словно змеи, вползла в наши уши,
 Разум ужалила и усыпила.
 Разве мы знали, что ждут нас оковы?!
 Даже проститься с детьми не успели.
 Снова наибы на предали!
 Снова
 Руки связать вероломно сумели
 Нам, безоружным, на Тити-гараге, –
 Много ли чести для этого надо?
 Много ль для этого надо отваги
 Чтоб их горы придавила громада! ...
 Были подобны уста наши ранам –
 Не дали выпить воды даже малость,
 О, дай Аллах, чтоб их трупам поганым
 Для омовенья воды не досталось! ...
 И привели нас в Гунибскую крепость.
 Самодовольно в глаза нам плевали,
 Будто бы наши, на волю и крепость,
 Душу и плоть палачи поверяли.
 Как оскорбляла нас сытая стража! –
 Этого нам не забыть и в могиле!
 Как истомила нас адская жажда –
 Это живые представить не в сила. ...
 Час не прошел – овладело умами

Горше испитого новое горе;
Нам сообщили, что следом за нами
Семьи идут наши в плачущем хоре.
Бедные жены, несчастные дети,
Вам обвиненье в родстве предъявили!
За непокорность мужей вы в ответе,
За горделивость отцов вас пленили.
И, пораженные зрелищем скорбным
Наши сердца наполнялись, шалея,
Ядом отчаянья, горьким и скорым.
Слезы в глазах – кандалов тяжелее...
Вижу, дымя папиросой, надсмотрщик
С карандашом и тетрадью шагает.
Вот он садится степенно и, сморщась,
Нас поименно к себе выкликает.
Тут же к столу его поочередно
Тыча прикладом, ведут нас солдаты.
Каяться не в чем, мы перед народом
И перед будущим не виноваты!
Некий Исакилав, чинный ублюдок,
Нам сообщает с трусливым злорадством:
«Завтра с рассветом уйдете отсюда
Вместе с обтрепанным вашим богатством».
Странники нас до рассвета подняли.
Мы опоясали цепью рубахи,
Скалам родимым рукой помахали,
Перед ущельями сняли папахи
...Вот мы в Москве. От восторга не дышим:
Сорок церквей здесь и тыщи строений!
Чтобы построить такой городище,
Сколько же нам воскресить поколений?!
Дали нам хлеба, по корке на брата.
Мы не притронулись к нищенской пище—
Так ты нас потчешь, город богатый?
Бросили нам по монете, как нищим.
Мы же от нищих лишь тем отличались,
Что не просили в слезах подаянья.
Если б извели наши страданья
Рыбы, и те бы исторгли рыданья,
Неприхотливыми в жизни мы были,
Братья, но видели б наши лохмотья! –
Не принимает таких и могила,
Только Сибирь приняла нас охотно.
Раньше в отчизне не знали мы страха,
Только в Сибири сердца наши вскоре
Сжались испуганно: горстками праха
Стать суждено им в проклятом просторе! ...
Эй, генерал в золоченном мундире,
Если б разверзлась земля под тобою,
Рухнули б тюрьмы и к белой Сибири
Хлынули б черные камни рекою,
Золото б ливнем низверглось, сметая
Алчных наивов со склонов Гуниба,
Град перебил бы крестовые стаи, –

Вновь свое знамя поднять мы смогли бы.
Здесь мне узорная комната снится,
Ах, неужели сожгло ее пламя
И недочитанной книги страницы
Глупый чиновник измял сапогами?!

© 2008

Муртазали Дугричилов
Murtazali Dugrichilov
www.sogratl.net